

МИР СТРУГАЦКИХ

К Н И Г И В С Е Р И И :

Сергей Лукьяненко

Дарья Зарубина

Игорь Минаков

и другие

«ПОНЕДЕЛЬНИК НЕ КОНЧАЕТСЯ НИКОГДА»

«АРК»

Дмитрий Троцкий
АРК

МОСКВА
2 0 1 8

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44
Т76

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Троцкий, Дмитрий Валентинович.

Т76 Арк / Дмитрий Троцкий. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-094847-5

Детство его было счастливым, но потом жизнь преподнесла ему серьезные испытания. Прежде чем стать знаменитым писателем Аркадием Стругацким, он пережил блокаду, эвакуацию, окончил Военный институт иностранных языков, служил на Дальнем Востоке, участвовал в допросах японских военных преступников. И все эти годы за ним неусыпно наблюдал таинственный Абрасакс – могущественное существо из параллельной вселенной, занятое отбором лучших представителей человечества для создания расы люденов. В жестком столкновении тайных сил решается судьба Земли, и исход этой борьбы зависит от решения, которое примет Аркадий Стругацкий, в соавторстве с братом Борисом зашифровавший в фантастических романах реальные события...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094847-5

© Троцкий Д., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ПРОЛОГ

Wenn du lange in einen Abgrund blickst,
blickt der Abgrund auch in dich hinein.

Friedrich Nietzsche
«*Jenseits von Gut und Böse*»

Москва, 1991 год

Подступала смерть. Давно. Тихо. Мучительно. Но страха не было. Сделал все, что мог. Осталась только пустота. Бесконечная усталость. И абсолютное безразличие.

Как и все последние дни, ссутулившись, сидел в кресле, уставившись в одну точку. В голове ни единой мысли. Иногда если кто-то тревожил и вновь приходилось возвращаться в реальный мир, то смотрел с удивлением на себя со стороны. Неужели ты еще здесь? Зачем?

Когда заезжала дочь, приносила продукты, потом, после, подолгу с неудовольствием ощущал тот далекий запах жизни, который она приносила с собой. Иногда звонил телефон. Старался не брать трубку. Но, понимая, что молчание принесет еще больше беспокойства в виде назойливых посетителей, нехотя отвечал.

Прошло уже почти пятьдесят лет с тех пор, как смерть пришла впервые. Порою, в последние годы, когда еще что-то имело смысл, задумывался: а пра-

вильно ли сделал тогда, выбрав жизнь? Затем долго стыдился минутной слабости и вновь брал себя в руки. Продолжал работать.

Теперь время вышло.

Вздохнув, поправил очки и тяжело поднялся с кресла. Вышел на лоджию, закурил. Был теплый осенний день, светило солнце. Но все вокруг казалось каким-то тусклым, серым, будто покрытым слоем пыли. Струйка сигаретного дыма словно пыталась скрыть туманом унылые бетонные коробки домов. Бесполезно. Курить не хотелось, было скучно.

Медленно шаркая тапочками, отправился в спальню. Все-таки есть своя прелесть в тишине и одиночестве. Хотя бы на время. Столько же шума в жизни. Столько людей. Столько страстей. Столько работы. Столько боли.

Первое, что увидел, войдя в спальню, — это глаза. Те самые, которые еще в детстве показали путь и подарили надежду. Маленькие, упрятанные под седыми бровями, тем не менее, казалось, они занимают собой всю комнату, весь мир, всю вселенную. А затем, словно бы отовсюду и ниоткуда зазвучал Его голос:

— Ну здравствуй, Арк...

ГЛАВА 1

Ленинград, 1942 год

— Тихо, Бобка, отец пришел.

Аркаша отложил книгу и, стараясь не шаркать по полу валенками, тихонько подошел к комнатной двери, покрытой облупившейся белой краской. Рядом тенью возник младший брат. В коридоре гулко звучали голоса родителей.

— Последний эшелон завтра. Как ни бился, но дают только два пропуска. Надо принять решение. На раздумья времени нет.

Голос отца — отрывистый, гулкий, скрипучий. Слова выговаривал он с трудом. Мать ответила так тихо, что ребята еле расслышали:

— Мы ведь уже все обговорили. Едешь ты и Аркаша. Боря дорогу не перенесет, а я его не оставлю. У вас больше шансов остаться в живых.

— Ты понимаешь, что это верная смерть? Ты это понимаешь?

— Как-нибудь... как-нибудь, — устало прошелестела она.

Отец помолчал, затем предложил:

— Давай так, поедете вы с Аркашей, а я с Бобкой здесь переживую.

— Натан, не надо, сам знаешь, меня без тебя не отправят. Эвакуируют только сотрудников библиотеки, и, счастье, что нашей семье выпало еще одно

свободное место. Спаси Аркашу. На большее и не надеюсь.

Аркаша осторожно выглянул наружу сквозь узкую щель. В военной шинели, бородатый, высохший и посеревший от голода, отец стоял перед матерью, чуть покачиваясь — сил не было. Его когда-то густые темные волосы поредели и выщвели, вымерзли. Лицо матери — бескровное, и сама — словно тень.

А Натан сейчас, как в книге, читал в глазах любимой жены обреченную грусть. Отведя взгляд, молча развернулся, ушел к себе в комнату.

Мальчик прикрыл дверь. Он повернулся к брату и прошептал:

— Бобка, ты слышал?

— Вы с папой уезжаете.

— Я не брошу тебя здесь одного. Мы должны что-нибудь придумать.

— Аркашенька, что? Мест-то всего два.

— Скажу отцу, что никуда без тебя не поеду. Пусть забирает маму, а мы с тобой вдвоем тут останемся. Будем кошек ловить, да и карточки у нас есть, так? — перечислял он, загибая зяблые пальцы. — Ну и я что-то заработать смогу.

— Да ведь недавно последнего котенка уже съели. Помнишь, маленького? Он сам от голодадох, мне весь палец сгрыз, пока его домой нес.

Аркаша отошел подальше от двери и поманил брата за собой, ближе к окну, покрытому светомаскировкой. Жарко зашептал на ухо:

— А я слышал, что на соседней улице несколько домов разбомбило. Людей выселили. И там, у одной тетки, целая кошачья стая в квартире жила. Говорят, мяв до сих пор стоит. Нормально, до весны дотянем.

— Опять ты придумываешь...

— И ничего не придумываю, глупый, мне сосед наш, Игорь, сказал. Но он один туда идти боится.

— Почему?

— Так ведь людоеды. Схарчат самого раньше, чем доберешься. А втроем — дело верное.

— Откуда ему знать?

В этот момент в дверь постучали, вошла мать. Первая зима с начала войны ужасно состарила ее, хотя та и пыталась следить за собой. Не опускала рук сама и не давала другим спуску. Тихим, но бодрым голосом скомандовала:

— Так, ребята, одевайтесь и сходите с отцом за водой.

Бобка робко спросил:

— Мама, скажи, а правда, что...

Но мать прервала его, сверкнув глазами:

— Разговоры потом, понятно?

Тот опустил плечи и прошептал:

— Да, мама.

Тут же обняла младшего сына, прижав к себе, и сказала, укрывая в старую серую шаль, висевшую на понурых плечах:

— Все будет хорошо. Теперь у нас все будет хорошо, Боренька. Иди, одевайся и помоги папе. Договорились?

На улице мороз стоял под тридцать градусов. Да и в квартире — ненамного теплее. Спасала лишь старенькая «буржуйка», служившая одновременно и плитой, когда было что приготовить. Но теперь это случалось очень и очень редко.

Спали в одежде, по квартире ходили в валенках. Канализация не работала. Электричество отключили. Отопления и воды тоже давно не было. Чтобы выйти нарубить дров в обгоревших развалинах или в полынье ближайшего водоема набрать ведро

воды, приходилось натягивать все теплые вещи, какие были в доме.

Братья, утрюмо молча, утеплялись как могли. В дверях комнаты их уже ждал отец, который внимательно вглядывался в лицо Бобки.

Утром следующего дня родители ушли на работу. Аркаша пытался наладить оптику в самодельном телескопе. Бобка сидел на диване и перечитывал «Войну миров». Дома было стыло, тихо. Лишь глухо гудела на кухне «буржуйка», да в одной из комнат, где во время первых же бомбежек выбило все стекла, завывала метель. Еще недавно там лежала «пеленашка», как теперь выражались в городе: завернутая в тряпки, словно в саван, мертвая бабушка. Она умерла от голода, и Бобке казалось, что по ночам ее обледеневшие руки тянутся к его горлу. Вернувшись к февралю из ополчения, отец вместе с Аркашей отвез ее на санках в соседний двор. Трупы складывали штабелями, гора росла день ото дня.

Входная дверь внезапно открылась. Ребята выглянули в коридор. словно на эшафот, медленно и с оттяжкой ступая по скрипящим половицам, мимо них прошел отец.

С его шинели сыпались хлопья не успевшего растаять снега. Аркаша ощутил исходящий от Натана Залмановича запах разложения, как в старом кладбищенском склепе, куда они забрались случайно с ребятами, еще до войны. Молчание становилось все тягостнее.

Выйдя из своей комнаты с вещмешком за плечами, отец так же медленно подошел к детям. Потрогал зачем-то на шее свой кулон в виде дельфина, взял стоящий рядом разохшийся фанерный стул и тяжело опустился на него. Долго сидел, глядя в пол. Затем вытер лицо рукой и поднял глаза на старшего сына.

Тот почувствовал побежавшие по телу мурашки, а в груди что-то словно взорвалось. Показалось, будто в глазах отца мерцает нечто такое, чего ему в силу возраста не следовало видеть. Это было больше чем отчаяние. Сильнее бесстрашия. Глубже смерти и дальше жизни. С небес спустился ангел-смертник, готовый ко всему. И этой бездне — невозможно не подчиниться. Отец резко встал, приказав:

— Одевайся.

Аркаша бросил быстрый взгляд на Бобку, но тот лишь покачал головой. Грустно усмехнувшись, младший вернулся на диван и вновь принялся за книгу.

Словно в тумане, Аркаша натягивал на валенки калоши, укутывался в теплое, брал свой вещмешок и выходил из комнаты. Ощущение нереальности происходящего не покидало. Он даже не обнял брата напоследок. Лишь в дверях квартиры, сквозь ватный сумрак, услышал за спиной голос отца и замер:

— Бобка, возьми наши карточки и отдай матери. С ними вы протянете до весны. Скажи ей, что мы не могли уже ждать. Ска...

Слова оборвались. Наступила тишина. А потом Аркаша ощутил толчок в спину и вздрогнул от грохота захлопнувшейся двери.

Сталинград, 1937 год

— Так, ну что же, товарищ Стругацкий. Давайте знакомиться. Меня зовут Кнопмус Юрий Альфредович, специально прибыл из Москвы, дабы решить вопрос с вашим делом.

Хозяин кабинета, встав из-за стола, подошел и протянул руку. Стругацкий поднялся со стула, ответил на крепкое рукопожатие, внимательно вглядываясь в собеседника.

Лицо Кнопмуса в целом можно было бы назвать непримечательным: прямой нос, морщинистый лоб, тонкие губы, выбрит наголо. Лицо как лицо.

Но две черты привлекали внимание. Во-первых, вытянутые скулы. Такие он видел на гравюрах у древних восточных мудрецов, хотя ни разу не встречал — во время Гражданской войны ни у одного китайца. И, во-вторых, глаза. Маленькие, пронзительные, глубоко посаженные. Казалось, они смотрят не на тебя и даже не в тебя, а будто бы в другое измерение.

— Что вы так разглядываете меня, Натан Залманович, — поинтересовался Кнопмус, — словно перед вами новое воплощение Будды?

Стругацкий смутился:

— Простите, Юрий Альфредович. Видимо, это было бестактно с моей стороны.

— Извинения приняты. Итак, если позволите, стану говорить начистоту. — Кнопмус прошелся по кабинету, затем вернулся к столу, обитому зеленым сукном. Взяв пачку папирос, закурил и продолжил: — У нас есть полное право завтра же поставить вас к стенке.

Стругацкий попытался вскочить, но Кнопмус положил ему руку на плечо и усадил обратно.

— Сидите, слушайте и не перебивайте. Отвечать будете, когда я о чем-либо спрошу.

Он подошел к шкафу, набитому канцелярскими папками, достал одну из них. Вздохнув, открыл и начал листать бумаги.

— Хм. Ну это ерунда: «Препятствовал повышению культурного облика сотрудников краевого исполкома». А формулировка-то изящная, экий шельмец состряпал! Каким же образом «препятствовали», Натан Залманович? Привязывали к стулу, в музей не пускали?

— Отказал крайкомовским нахлебникам. Перестал выдавать бесплатные билеты в театр и на концерты, — хмуро ответил Стругацкий. — Детдомовцам они нужнее.

— Я, собственно, не сомневался в чем-то подобном, но уточнить стоило.

Кнопмус вернулся за стол. Затушил окурок в массивной пепельнице, продолжил изучать документы.

— А вот это уже серьезно: «Восхвалял церковного художника Андрея Рублева, призывая учиться искусству живописи у него, а не у передовых советских художников, преданных идеям партии и товарищу Сталину». Как вам? Или вот: «Утверждал в спорах, что великий советский композитор Исаак Дунаевский — «щенок» по сравнению с царскими композиторами Чайковским, которого подозревают в педерастии, и Римским-Корсаковым. Также не раз возвышал талант старорежимного писателя Льва Толстого над гением Николая Островского, автора настоящего патриотического романа «Как закалялась сталь». В разговорах часто критикует и другие проявления в современном советском искусстве».

Чуть наклонив голову, поднял на Стругацкого свои маленькие горящие глаза под густыми бровями, заметил:

— Не находите, Натан Залманович, писал человек не со стороны — кто-то из ваших друзей. Так вот, батенька, это уже антисоветская агитация как минимум. Станете отрицать свои слова?

— Не привык сомневаться в людях, с которыми работаю, с которыми дружу, уж простите. Зато как старый большевик, прошедший Гражданскую войну, научился всегда говорить в лицо то, что думаю. Вред партии и делу Ленина — Сталина приносят не те, кто

указывает на ошибки и недочеты, а те, кто с утра до ночи поют хвалебные оды.

— Знаете, Стругацкий, я бы сказал, что вы дурак, и дурак опасный, кабы сам не думал так же.

Натан Залманович с удивлением посмотрел на Кнопмуса.

— Да, да. Чему удивляетесь? По-вашему, нынче в органах только идиоты и садисты остались? Нет, товарищ Стругацкий. Хотя пока это к делу не относится. Теперь вот что, — Кнопмус закрыл папку, снова встал и начал медленными шагами мерить кабинет, плавно, но решительно подчеркивая каждую мысль взмахом одной руки, заложив вторую за спину, — в партии вы не останетесь.

Стругацкий гневно взглянул на него, хотел что-то сказать, но Юрий Альфредович резко оборвал:

— Я ведь сказал, молчите и слушайте. В партии вы не останетесь. Получите понижение в должности, затем отстраним от работы. Перебирайтесь тихонечко в сторону Ленинграда. Сидите там тише воды ниже травы. Не высовываться, языком не болтать, во всех разговорах не забывать упоминать величие и мудрость товарища Сталина, даже среди родных и близких. Это понятно?

Стругацкий сидел в молчаливой прострации. Кнопмус забрал со стола дело, закрыл его в шкаф. Достав из кармана элегантный брегет, поглядел на циферблат. Затем, повернувшись к Натану Залмановичу, сказал, убирая часы:

— Давайте заканчивать. Ваша задача: продолжайте заниматься искусством, устройтесь в хорошую библиотеку, пишите статьи или монографии, как угодно. Возьмите этот медальон и не снимайте его. — Он протянул Стругацкому серебристый кулон в виде дельфина. — По нему наши люди в любой ситуации

узнают и придут на помощь. И еще. Прочтите вот это и запомните наизусть, здесь список интересующих нас тем, все по вашей специальности.

Он взял со стола небольшой листок бумаги, протянул Стругацкому. Тот прочитал несколько раз и вернул его обратно. Юрий Альфредович чиркнул спичкой, поджигая бумагу. Остатки кинул в пепельницу, добавив тихо:

— Зная ваш характер, еще раз повторю, не высовывайтесь. И берегите сыновей. Лет через пять мы встретимся, сами скажете мне спасибо.

— За то, что исключили меня из партии? Это вряд ли.

— А нет уже никакой партии, милейший Натан Залманович. Лет десять как нет. Пока вы этого еще не понимаете. Но поверьте, очень скоро поймете и не обрадуетесь этой правде.

Москва, 1984 год

Черт меня дернул тащиться в Москву под Новый год. Да, надо было отказаться, но словно магнитом тянуло к одному человеку, на встречу с которым очень рассчитывал по старой дружбе.

Легенда.

Гений.

Аркадий Стругацкий.

Закончив редакционные мелкие дела, стоя на улице в телефонной будке, мерзлыми пальцами крутил металлический диск.

— Аркадий Натанович? Приветствую вас. Это Полоцк беспокоит.

— А, Илан, старик, рад тебя слышать. В столице необъятной сейчас аль у себя прозябаешь?

— В Москве, в Москве. Вот в гости хотел напроситься, пустите?